

DOI 10.5862/JHSS.232.6
УДК 930.2

И.В. Дёмин

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ: МЕЖДУ ПРЕЗЕНТИЗМОМ И АНТИКВАРИЗМОМ*

В статье показано значение семиотики для исторического исследования, рассмотрена семиотическая методология истории Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, разъяснена позиция семиотики истории в контексте спора между антикваризмом и презентизмом. Реализация антикваристской установки предполагает исследование и описание языка культуры прошлого, выявление смыслов, определявших поведение и мышление людей той или иной исторической эпохи. В рамках презентистского подхода за отправную точку исследования принимаются семиотически значимые события, факты или ситуации современности (настоящего), в свете которых структурируются исторические события и выстраиваются событийные ряды. Показывается невозможность соединения презентистской и антикваристской установок в рамках одного исторического нарратива. Установки презентизма и антикваризма в контексте семиотической модели истории соотносятся в соответствии с принципом дополнительности, понятым не в обыденном, но в квантовомеханическом смысле.

ИСТОРИЯ; СЕМИОТИКА ИСТОРИИ; МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ; ПРЕЗЕНТИЗМ; АНТИКВАРИЗМ; ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ.

В последние десятилетия семиотический подход в исследовании истории и культуры получает всё большее распространение. Значение семиотики для исторического исследования обусловлено тем, что историк всегда имеет дело с текстами (историческими источниками), которые являются *знаками* иной – отличной от современности – реальности, реальности исторической. Работа историка по реконструкции реальности исторического прошлого предполагает *интерпретацию* исторических источников. А там, где мы имеем дело с интерпретацией текстов, мы вступаем в область *семиотики*. Однако, как правило, методы и понятийно-категориальный аппарат семиотики используются в конкретно-исторических исследованиях бессистемно, семиотический подход часто эклектично и некритически совмещается с традици-

онными подходами и методами исторического познания (речь идет об историко-генетическом, сравнительном, историко-типологическом и системном методах [1, с. 138–167]).

Использование семиотической методологии и терминологии в конкретно-исторических исследованиях предполагает выяснение и решение целого ряда вопросов:

- Какое из многочисленных направлений семиотики в наибольшей степени соответствует предметной и методологической специфике исторического познания?

- Какое место принадлежит семиотике в контексте спора нарративной философии истории с классическим историзмом, который определяет проблемное поле и общую направленность философско-исторических исследований, начиная как минимум с 60-х гг. XX в.?

- Является ли семиотика истории лишь одним из возможных направлений в методологии истории, одним из подходов в историческом исследовании наряду с другими или же она вправе претендовать на нечто большее (например, на статус *общей методологии* исторического познания как такового)?

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 г.).

Продуктивное обсуждение этих вопросов предполагает выяснение философских оснований семиотического подхода к истории.

Разработка семиотического подхода к анализу истории и культуры в отечественной науке связана с именами Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана. Что представляет собой семиотический (или культурно-семиотический) подход к истории? На какие презумпции и исходные принципы он опирается?

Б.А. Успенский, проясняя основы культурно-семиотического подхода к истории, предлагает различать *семиотику знака* и *семиотику языка*, которые представляют, как он полагает, два направления в семиотике — соответственно *логическое* и *лингвистическое*. Первое направление восходит к Г. Фреге, Ч. Пирсу и У. Моррису, второе — к Ф. де Соссюру [2, с. 9–10]. Различие этих двух направлений Успенский проясняет следующим образом: «В первом случае знак рассматривается в принципе безотносительно к акту коммуникации, во втором же случае знаковость, семиотичность определяется участием в коммуникационном процессе, т. е. предстает как производное от этого процесса» [Там же. С. 10]. Другими словами, в контексте той линии семиотики, которая идет от Пирса и Морриса, исходным и нередуцируемым феноменом выступает *знак*, тогда как в традиции, берущей свое начало в «структурной лингвистике» Ф. де Соссюра, таковым феноменом признается *язык*.

В разрабатываемой Успенским семиотической модели истории находят применение достижения обоих этих направлений.

В своей интерпретации онтологического статуса исторической процессуальности (исторической событийности) Успенский обращается к традиции семиотики *языка*. Исторический процесс понимается им по аналогии с *процессом коммуникации на естественном языке* (диалогом): «Исторический процесс может представлять как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т. п.; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [Там же. С. 12]. Исторический процесс в контексте семиотической модели истории рассматривается как процесс порождений новых фраз (событий, текстов) на некотором языке и их прочтения социумом, ко-

торое, в свою очередь, порождает новые события и т. д. Важным представляется то, что реакция социума рассматривается в рамках семиотического подхода как принципиально обусловленная *интерпретацией* соответствующего текста (события), а не интенцией «отправителя» (если наличие таковой вообще признается).

В историческом процессе, как и в процессе коммуникации или речевой деятельности, «смысл порождает текст, но текст, в свою очередь, может порождать для адресата некоторый новый смысл, не вполне адекватный исходному; затем этот новый смысл порождает новый текст (в виде ответной реакции адресата) и т. д. и т. п.» [Там же. С. 13]. Всякое событие (текст) рассматривается в рамках семиотической модели как *послание*, которое понимается, прочитывается, интерпретируется социумом (или каким-либо другим субъектом/участником исторического процесса). Социум, в свою очередь, дает на это «послание» тот или иной ответ, порождая тем самым *новый* текст, новое событие, новую историческую ситуацию и т. д. Ответ социума, его интерпретация текста «послания» обусловлена господствующим *семиотическим кодом*, задающим способ прочтения социокультурных текстов. Это может быть, например, мифологический, религиозный или идеологический код.

В рамках семиотической (или коммуникативной) модели исторического процесса механизмом порождения истории, исторической событийности выступает язык (язык культуры). Именно *язык* (как система семиотических кодов или смыслов, как механизм порождения социокультурных текстов) определяет отбор значимых фактов; понятие *знака* предстает в данном случае как *производное*: «семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего его местом в системе (языке), его отношением к другим единицам того же языка» [Там же. С. 14].

Если для построения семиотической схемы *исторического процесса* Успенский использует по преимуществу терминологию семиотики языка, то для интерпретации *исторического сознания* и построения модели исторического описания и объяснения он обращается к семиотике *знака*. Построение семиотической модели исторического сознания предполагает обратный ход мысли: от настоящего к прошлому.

«Историческое сознание в этом смысле с необходимостью предполагает семиозис; <...> семиотическое представление истории должно основываться не только на семиотике языка, но и на семиотике знака» [2, с. 15]. В данном случае первичным выступает понятие *знака*, тогда как *язык* рассматривается как явление более сложное и производное.

Возможность исторического познания как такового Успенский связывает с особой конфигурацией, особым типом сознания. Историческое сознание (в отличие от внеисторического *космологического* сознания) предполагает два условия: расположение событий, относящихся к прошлому, во временной последовательности, т. е. введение *фактора времени* и установление причинно-следственных связей между ними, т. е. введение *фактора причинности* [Там же]. Линейное время и причинность в данном случае – это структурные характеристики *исторического типа сознания*, а не *исторического процесса*. В этой связи можно провести параллель между семиотикой истории Б.А. Успенского и концепцией Б.Г. Соколова [3]. В обоих случаях возможность исторического повествования как такового связывается с особым культурно-историческим *типом сознания* [4].

Семиотическая модель исторического познания была в общих чертах намечена в работах Ю.М. Лотмана. Решающую роль в этой модели играет переосмысление понятия *исторического факта*. Специфика исторического познания связывается Лотманом с тем, что, в отличие от опытных наук, в истории факт является не исходной точкой, а *результатом* исследования: «Историку предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событие» [5, с. 301]. В области исследования культуры/истории факт создается наукой и не является чем-то абсолютным. «Факт относителен по отношению к некоторому универсуму культуры» [Там же. С. 306]. Значение последнего положения еще далеко не в полной мере осознано в методологии исторического познания.

Посмотрим теперь, какое место занимает семиотическая модель истории в контексте традиционного спора между *презентизмом* и *антикваризмом*.

Под презентизмом и антикваризмом в отечественной науке понимаются главным образом подходы к реконструкции *истории науки*. Однако не вызывает сомнений, что методологическая дилемма презентизма и антикваризма актуальна не только для историко-научного познания, но и для исторического познания *как такового*. Более того, мы полагаем, что к этой дилемме могут быть сведены все основные трактовки исторического познания и историописания в целом.

В отечественной философии науки сложились две точки зрения на проблему соотношения антикваризма и презентизма в историко-научном исследовании. Одна из них представлена в работах С.С. Демидова, другая – в работах М.А. Розова.

Согласно С.С. Демидову, последовательная реализация принципа *антикваризма* в историческом исследовании предполагает полный отказ исследователя от современного языка и описание источника на языке прошлого. Это требование, однако, столь же абсурдно, сколь и нереализуемо. Не менее абсурдной представляется и точка зрения *радикального презентизма*. Согласно этой установке, исторический источник следует описывать на современном языке и относиться к нему как к современному тексту. Не трудно заметить, что текст в этом случае вообще перестает быть *источником*, перестает выполнять главную функцию исторического источника: быть носителем знания *о прошлом*. Презентизм и антикваризм, таким образом, в равной мере нарушают основополагающий для исторического познания *принцип историзма*, который состоит в необходимости рассматривать любой объект в его «историческом развитии» [6, с. 6]. Демидов полагает, что историк в своей реконструкции прошлого должен *совмещать* принципы презентизма и антикваризма, потому что взятые порознь они приводят к исчезновению истории как таковой и делают невозможным самое историческое познание. В концепции Демидова антикваристская установка связывается с процедурой *понимания* источника, тогда как презентистская – с процедурой и методом *объяснения*. Историк должен понимать источник с позиций антикваризма, но при этом описывать его содержание в терминах современного языка, т. е. как презентист. Заметим, что именно такой подход до сих пор

является господствующим в методологии исторического познания. Историк, владеющий как языком источника, так и современным языком, выполняет здесь функцию *переводчика*: он *понимая переводит* источник на современный язык, но объясняет и уясняет его содержание с позиций настоящего, в свете нынешнего положения вещей.

М.А. Розов иначе трактует как содержание самих принципов антикваризма и презентизма, так и их соотношение. В концепции С.С. Демидова, презентизм и антикваризм, взятые порознь, предстают в качестве абсурдных и нереализуемых установок. Розов же исходит из того, что «и презентизм, и антикваризм — это вполне разумные и последовательные концепции, отнюдь не приводящие нас к абсурду» [7, с. 18].

Согласно Розову, «историк, понимая, насколько это возможно, язык источника, должен описать его содержание на языке, доступном современному человеку» [Там же]. Такая позиция определяется им как *презентизм* (в концепции Демидова такая позиция полагается в качестве *синтеза* презентизма и антикваризма). Что же в этом случае приходится на долю *антикваризма*? Розов полагает, что и презентист, и антикварист описывают и излагают содержание источника на современном языке, однако само понятие «современный язык» содержит в себе фундаментальную двусмысленность. Так, например, в случае, когда речь идет об истории математики, содержание того или иного источника может быть описано либо на современном исследователю языке математики, либо на языке современной культурологии и философии науки. Первому описанию будет соответствовать *презентистская* установка, второму — *антикваристская*. «Если историк математики опирается прежде всего на свое знание математики, это почти однозначно причисляет его к лагерю презентистов. Но если в его лексиконе начинают доминировать такие термины, как „нормы“, „образцы“, „традиции“ и т. п., которые *вовсе не являются понятиями математики*, то это свидетельствует о переходе на позиции антикваризма» (курсив наш. — И. Д.) [Там же. С. 20]. Другими словами, если историк *описывает* социокультурный контекст того или иного источника, прослеживает связь источника с этим контекстом, он стоит на позициях *антикваризма*. Если же он *понимает*

содержание источника изнутри контекста современного (например, понимает и оценивает содержание того или иного математического текста, принадлежащего прошлой эпохе, с позиций современной математики), он действует как *презентист*.

Вслед за С.С. Демидовым М.А. Розов рассматривает дилемму антикваризма и презентизма как частный случай традиционного для гуманитарной науки противопоставления понимания и объяснения, вот только антикваризм (вопреки устоявшемуся представлению) он связывает не с пониманием, с *объяснением*, а презентизм, напротив, — с пониманием [См.: 8, с. 192–194].

Для выяснения соотношения презентистского и антикваристского подходов в историописании Розов обращается к *принципу дополненности* (в квантовомеханическом смысле).

Принцип дополненности в квантовой механике, как известно, фиксирует недостаточность классической логики для описания определенного класса предметов (объектов микромира). Дополнительный способ описания подобных предметов предполагает использование *взаимоисключающих* классов понятий [9]. Суть этого принципа применительно к задаче реконструкции исторического прошлого в том, что мы можем либо *описывать* связь источника с его историческим контекстом, либо *понимать* его содержание, исходя из контекста современности, но не можем делать и то и другое *одновременно, в рамках одного исторического нарратива* [10]. Важно подчеркнуть, что дело здесь не в ограниченности наших познавательных способностей, но в самой природе исторической реальности и исторического познания. Проясняя значение принципа дополненности в историческом познании, Розов проводит аналогию с практикой обычного словоупотребления. Имея дело с некоторым образцом (словоупотребления), мы его либо *описываем* (такова позиция антикваризма), либо *воспроизводим* (такова позиция презентизма). Аналогичным образом дело обстоит и с содержанием того или иного исторического источника. «Противопоставление презентизма и антикваризма — это частный случай проблемы понимания и объяснения, а традиции речевой деятельности хорошо моделируют традиции вообще» [7, с. 25].

Таким образом, мы имеем две дополнительные (не в обыденном или классическом, но в квантовомеханическом смысле) картины истории: антикваристскую и презентистскую. «Историк, — отмечает Розов, — нуждается в обеих картинах, но их нельзя просто объединить друг с другом как описание одной и другой сторон медали. Каждая картина полна и, будучи дорисована до конца, в принципе исключает другую» [7, с. 25].

Обе трактовки ключевой и «судьбоносной» для исторического познания методологической дилеммы антикваризма и презентизма весьма симптоматичны и отсылают к разным философским контекстам. Демидов в своей трактовке принципов антикваризма и презентизма как взаимодополняющих (в обыденном, не в квантовомеханическом смысле) стремится удержаться в горизонте классического историзма и в рамках традиционного понимания истории как процесса развития/изменения объекта во времени. Концепция же Розова явно не укладывается в парадигму классического историзма и отсылает к совершенно иному — постметафизическому — философскому контексту, представленному в сфере философско-исторического знания различными версиями нарративной и герменевтически ориентированной философии истории (аналогия между историей науки и традицией словоупотребления, которую приводит Розов, в этом отношении весьма показательна).

Дилемма антикваризма и презентизма в трактовке М.А. Розова не только не снимается, но еще более обостряется. Если в оптике классического историзма (и в концепции Демидова, которая в целом продолжает эту линию) презентизм и антикваризм рассматривались как две крайности, проистекающие из нарушения основополагающего принципа историзма, то теперь они предстают как вполне правомерные и допустимые, но при этом *антитетически противоположные и взаимоисключающие* модели историописания и репрезентации исторического прошлого. Однако эта новая трактовка и новая «конфигурация» принципов презентизма и антикваризма, предложенные Розовым, на наш взгляд, созвучны тем дискуссиям, которые возникли в философии истории и теории историописания под влиянием так называемого лингвистического или нарративного поворота.

Посмотрим теперь, какой из этих двух принципов (презентизм или антикваризм) реализуется в контексте семиотического подхода к истории? Какую позицию может занять семиотика истории в контексте дискуссий о презентизме, антикваризме и возможности их соединения в практике исторического исследования?

В семиотической модели истории (по крайней мере, в той ее версии, которую разработали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский) парадоксальным образом сочетаются элементы обоих (презентистского и антикваристского) подходов. Проследим, в чем конкретно проявляются черты презентизма и антикваризма.

Культурно-семиотический подход к истории, как отмечает Успенский, «предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения» [2, с. 11]. Задача историка в этой связи заключается в «реконструкции тех субъективных мотивов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий)» [Там же]. Культурно-семиотический подход в этом смысле антитетически противостоит подходу объективистской (или *историцистской* в попперовском смысле) историографии и философии истории, стремившейся выявлять «объективные закономерности исторической жизни»: «Историк пытается увидеть исторический процесс глазами его участников, сознательно отвлекаясь от объективистской историографической традиции, ретроспективно описывающей события с внешней к ним точки зрения» [11, с. 8]. С точки зрения семиотики истории «важен не объективный смысл событий (если о нем вообще можно говорить), а то, как они воспринимаются, читаются» [2, с. 11].

Как уже отмечалось выше, в контексте семиотической модели исторический процесс рассматривается по аналогии с процессом коммуникации на естественном языке. При этом именно «система представлений того социума, который выступает в качестве общественного адресата, определяет непосредственный механизм развертывания событий, т. е. исторического процесса как такового» [Там же. С. 14].

Задача историка в контексте семиотического подхода заключается в реконструкции системы представлений, обуславливающих

восприятие тех или иных событий и реакцию на них. Значимость этой реконструкции обусловлена тем обстоятельством, что «даже если предполагать наличие каких-то объективных закономерностей, определяющих ход событий, наши действия непосредственно обусловлены не ими, а нашими представлениями о событиях и их связи» [2, с. 14]. В такой трактовке задач историка отчетливо проявляются тяготение семиотики истории к *антикваризму* и ее дистанцирование от презентизма и классического историзма.

Действительно, в контексте культурно-семиотической модели истории язык (в широком семиотическом смысле, как *язык культуры*) есть то, что позволяет нам как субъектам и участникам исторических событий отличать *значимое* от *незначимого*; именно язык в конечном счете определяет, что является фактом истории (и современности), а что нет. Логично поэтому предположить, что задача историка должна заключаться в изучении этого языка, в реконструкции семиотических кодов, которые определяют своеобразие той или иной конкретной культурно-исторической целостности.

Таким образом, антикваризм — это установка, лежащая в основании семиотической модели исторического процесса и связанной с ней трактовке исторического познания. Однако в семиотической трактовке *исторического сознания* и *исторического опыта* отчетливо проявляется противоположная — презентистская — тенденция.

Всякое историческое повествование предполагает отбор значимых исторических событий и фактов. Этот отбор всегда производится *из контекста современности* и осуществляется на современном языке (на языке современной культуры). Свообразным фильтром или «ситом» здесь выступает то или иное семиотически значимое (в контексте *современной культуры* и *современного языка*) событие. «С точки зрения настоящего производится отбор и осмысление прошлых событий — постольку, поскольку память о них сохраняется в коллективном сознании. Прошлое при этом организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего» [Там же. С. 19].

Еще более отчетливо презентистская направленность семиотической модели исторического сознания проявляется в трактовке

исторического опыта [12]. Под историческим опытом Успенский понимает «не те реальные знания, которые постепенно откладываются (накапливаются) во времени, по ходу событий, в поступательном движении истории (в смысле „*res gestae*”), а те причинно-следственные связи, которые усматриваются с синхронной (актуальной для данного момента) точки зрения» [2, с. 18]. Исторический опыт в этом смысле не есть нечто объективно данное и неизменное, он «меняется со временем и выступает, в сущности, как производное от нашего настоящего» [Там же. С. 19]. Из этого следует принципиальный вывод: *история ничему не может нас научить*, прошлое (исторический опыт) всякий раз *переосмысливается*, а история *переписывается* с точки зрения меняющегося настоящего [Там же]. Принципиально то, что переосмысление исторического опыта и переписывание истории в свете новых событий, новых фактов и новых ситуаций в рамках презентистского подхода — это правило и норма, а вовсе не исключение. Мы не можем «учиться у истории», потому что сама история как история *чего-то* конституируется нашими теперешними ситуациями, нашими практиками и нашими приоритетами.

Приведенная трактовка исторического опыта следует в русле нарративной философии истории, фундаментальный постулат которой гласит: исторический нарратив (создаваемый на современном языке и в контексте современной культуры) упорядочивает, структурирует историческую событийность, которая *сама по себе* не имеет нарративной структуры. «Преобразование события в текст, — отмечает Ю.М. Лотман, — означает пересказ его в системе того или иного языка, т. е. подчинение его определенной, заранее данной структурной организации» [5, с. 307]. Событие, пересказанное средствами языка, неизбежно получает *структурное единство*. «Единство это, физически принадлежащее лишь плану выражения, неизбежно переносится на план содержания. Таким образом, самый факт превращения события в текст повышает степень его организованности. Более того, система языковых связей неизбежно переносится на истолкование связей реального мира» [Там же. С. 308].

Не трудно заметить, что установки презентизма и антикваризма в контексте семиотической модели истории соотносятся в соответ-

ствии с *принципом дополнительности*, понятным не в обыденном, но в квантовомеханическом смысле. Мы можем, реализуя антикваристскую установку, исследовать и описывать язык культуры прошлого (подобно тому, как мы изучаем мертвые языки), выявлять те смыслы, которые определяли поведение и мышление людей той или иной исторической эпохи. Мы также можем, реализуя презентистскую установку, структурировать исторические события, выстраивать событийные ряды, принимая за *отправную точ-*

ку те или иные семиотически значимые события, факты или ситуации *современности*. Но мы не можем соединить эти две установки в рамках одного исторического нарратива, в рамках одного исследования.

Является ли дилемма презентизма и антикваризма в контексте семиотической методологии истории неразрешимой и неснимаемой? Можем ли мы истолковать эту дилемму иначе, нежели в свете «принципа дополнительности»? Эти вопросы мы оставляем открытыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с.
2. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. 608 с.
3. Соколов Б.Г. Генезис истории. СПб., 2003. 372 с.
4. Дёмин И.В. Идея «конца истории» в постметафизическом контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3. С. 48–50.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.
6. Демидов С.С. Презентизм и антикваризм в историко-математическом исследовании // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 3–12.
7. Розов М.А. Презентизм и антикваризм – две картины истории // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 13–26.
8. Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // Arbor mundi. 2009. № 15. С. 164–196.
9. Кузнецов Б.Г. Принцип дополнительности. М., 1968. 88 с.
10. Рамазанов С.П. О принципе дополнительности в историческом познании // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 24–29.
11. Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. О семиотике истории // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. I. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 7–8.
12. Дёмин И.В. Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера // Философия и культура. 2014. № 3. С. 391–400.

ДЁМИН Илья Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Самарского государственного аэрокосмического университета им. акад. С.П. Королёва (национального исследовательского университета).

Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34
e-mail: ilyadem83@yandex.ru

THE SEMIOTIC APPROACH TO HISTORY: BETWEEN PRESENTISM AND ANTIQUARISM

The article shows the importance of semiotics for historical research, discusses the semiotic methodology of history of Lotman and Uspensky, clarifies the position of the semiotics of history in the context of dispute between antiquarism and presentism. The implementation of antiquarists installation involves the study and description of the language of culture of the past, revealing the meanings that determine the behavior and thinking of people of some historical era. Within presentists approach the starting point of the research are some semiotically important events, facts or circumstances of modernity (present) in the light of which historical events are structured and arranged a number of events. The author shows the impossibility of connection of presentists and antiquarists installations within a single historical narrative. The installations of presentism and antiquarism in the context of the semiotic model of history are correlated in accordance with the complementarity principle, that isn't understood in common sense but in quantum mechanical sense.

HISTORY; SEMIOTICS OF HISTORY; METHODOLOGY OF HISTORY; PRESENTISM;
ANTIQUARISM; COMPLEMENTARITY PRINCIPLE.

REFERENCES

1. Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, 1987. 440 p. (In Russ.)
2. Uspenskiy B.A. *Izbrannye trudy. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works. Of vol. I. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow, 1996. 608 p. (In Russ.)
3. Sokolov B.G. *Genezis istorii* [Genesis of history]. St. Petersburg, 2003. 372 p. (In Russ.)
4. Dyomin I.V. [Idea of "end of history" in post-metaphysical context]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, 2014, no. 5-3, pp. 48–50. (In Russ.)
5. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchih mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside minded worlds. Man – text – semiosphera – History]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
6. Demidov S.S. [Presentism and antiquarism in the history of mathematics studies]. *Questions of History of Science and Technology*, 1994, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.)
7. Rozov M.A. [Presentism and antiquarism as the two pictures of the past]. *Questions of History of Science and Technology*, 1994, no. 3, pp. 13–26. (In Russ.)
8. Kuznetsova N.I. [Presentism and antiquarism as the two pictures of the past]. *Arbor mundi*, 2009, no. 15, pp. 164–196. (In Russ.)
9. Kuznetsov B.G. *Princip dopolnitel'nosti* [The principle of subsidiarity]. Moscow, 1968. 88 p. (In Russ.)
10. Ramazanov S.P. [On the principle of subsidiarity in historical knowledge]. *Dialogue with Time*, 2013, no. 43, pp. 24–29. (In Russ.)
11. Uspenskiy B.A., Uspenskiy F.B. [About the semiotics of history]. *Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and signs. Research on semiotics history]. Moscow, 2008. Pp. 7–8. (In Russ.)
12. Dyomin I.V. [Comparative analysis of historical interpretations of experience by Ankersmit and Gadamer]. *Philosophy and Culture*, 2014, no. 3, pp. 391–400. (In Russ.)

DEMIN Ilya V. — Samara State Aerospace University.

Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russia

e-mail: ilyadem83@yandex.ru